

WORLD
WARCRAFT®

НОЧЬ ДРАКОНА

РИЧАРД А. КНААК

Издательство АСТ
Москва

*Ивлин, Мик и, разумеется, Крис,
эта книга — для вас,
неоценимых партнеров
в создании множества сказаний об Азероте.*

ПРОЛОГ

Выхода не было... не было... не было... Вокруг смыкался мрак его темницы. Ни шевельнуться, ни даже вдохнуть... Как это могло случиться? Что за подлые мелкие твари ухитрились его изловить? Грызуны, изловившие великана! Это же невозможно...

Однако так и произошло.

Хотелось ему взречь, да не вышло. Впрочем, здесь и звука-то не существовало. Безмолвие сводило с ума. Нужно освободиться! Должен же быть хоть какой-то путь к бегству...

И тут вокруг вспыхнул слепящий изумрудно-зеленый свет. С муками, с болью вырванный из заточения, перенесенный вовне, он пронзительно завизжал.

Но вскоре визг его перешел в могучий рев облегчения, смешанного с яростью, и он широко расправил великолепные сверкающие крылья. Его исполинское тело цвета морской синевы наполнило новое подземелье, в котором он оказался, почти целиком. Вдоль спины и ото лба к затылку, точно гребень, украшающий шлем полководца, вздыби-

лись иглисто-острые, прозрачные, точно хрусталь, шипы. Огромные, мерцающие белизной сферы — скорее, жемчужины, чем глаза — оглядели просторную пещеру, полную каменных зубьев, торчащих из полукруглого свода и неровного пола.

Вот тут-то недобрый взгляд его и пал на мелюзгу, осмелившуюся — неведомо как! — поймать в ловушку его, столь могучего. Разом окутавшись полупрозрачной аметистовой аурой, он в праведном гневе взревел:

— *Гнусные червячишки! Ничтожные подлые гремлины! Так это вы посмели сделать из Зераку зверушку в клетке?!*

Стоило Зераку выкрикнуть все это, тело его, и без того бесплотное, сделалось прозрачнее прежнего, глаза, не мигая, взирали на небольшой отряд созданий, сумевших его изловить. Эти уродливые коротышки могли бы сойти за несколько сплюснутых дрениев, но кое-где были покрыты шерстью, а кое-где — чешуей. Броня, плащи с капюшонами, безобразные пасти полны острых зубов, глаза красны, как раскаленная лава... и явная угроза с его стороны отчего-то не внушает им надлежащего страха.

Видя все это, Зераку понял: о драконах пустоты они не знают почти ничего.

— *Гнусные червячишки! Ничтожные подлые гремлины!* — повторил он.

Все тело его затрещало, брызжа рядами молний того же дивного цвета, что и он сам. Зераку поднял когтистую лапу, будто затем, чтобы стереть этих ничтожеств в порошок, и молния тут же рванулась вперед.

Странное дело: разряды прошли мимо цели, в последний момент огибая мелюзгу стороной. В то же самое время посреди лба каждого карлика на миг вспыхнула, замерцала какая-то странная руна.

Плененный дракон пустоты немедля нанес новый удар, однако на сей раз разряды молний ударили в землю *вокруг* его мучителей. Осколки камня брызнули во все стороны, а вместе с ними с шипением, с рыком отлетели прочь и мелкие твари. Вот так-то. Другое дело.

— *Гнусные червячишки! Ззераку всех вас прихлопнет, как мух!*

С этими словами он призвал на помощь себе еще больше сил. На груди его вздулись проходящие крест-накрест темно-синие жилы, молнии затрещали с удвоенной яростью.

Вдруг его левую переднюю лапу захлестнула петель, сдавила до боли прочная нить серебристой энергии, появившаяся откуда-то сбоку.

Изумленный, Ззераку разом забыл о задуманной атаке. Дракон пустоты — существо из чистой энергии, и нить должна была проскользнуть сквозь него, как сквозь... сквозь пустоту! Хотел он перекусить эту нить, но лишь получил жестокий щелчок по зубам, а лапа тем временем обвисла, обмякла, разом утратив всю силу.

Едва это произошло, на другой передней лапе затянулась еще одна точно такая же нить. Дернул Ззераку, но тщетно: тонкая волшебная нить оказалась необычайно прочна.

Тело дракона пустоты раздулось, прибавило в величине. Отчетливо проступавшие на нем синие

жилы сделались почти черными, а сам Ззераку стал прозрачнее прежнего, будто растворился в тумане.

Серебристые нити вспыхнули.

Взревев от боли, Ззераку рухнул на пол пещеры — с грохотом, словно создание из костей и плоти. По камню зазмеились трещины.

Двое из крохотных тварей, провалившись в открывшуюся расселину, кувырком полетели навстречу неминуемой гибели. Остальные, не обратив на участь товарищей никакого внимания, пустили в ход еще пару серебряных нитей. По пятеро коротышек, разом ухватившихся за каждую, взмахнули зловещими токами силы, точно гигантскими бичами. Взрыв над спиной Ззераку, концы нитей безошибочно легли на пол по ту сторону его тела, а там были подхвачены и надежно пригвождены к земле маленькими камешками-изумрудами. Нити вспыхнули, и все его тело вновь опалило мучительной болью.

— *Освободите Ззераку!* — взревел дракон пустоты. — *Освободите меня!*

Новые нити заставили дракона распластаться по полу. Как Ззераку ни противился, волшебные пути крепко держали его в узде.

Чешуйчатые коротышки засуетились вокруг, прибавляя к путам новые жуткие нити, одну за другой, пока не оплели дракона пустоты чем-то наподобие кокона. Каждая нить впивалась в тело, обжигая и в то же самое время замораживая. От боли и ярости Ззераку завизжал, но, что бы он ни предпринимал, изменить положение к лучшему не удавалось.

Очевидно, сомневаясь в прочности его уз, мелкие твари продолжали лихорадочную суету, вгоняли в пол изумруд за изумрудом, без конца поправляя нити, чем нередко причиняли дракону пустоты новые муки. Один, видя его страдания, злорадно захихикал.

В этого-то мучителя Ззерaku, наконец, и сумел пустить последний сгусток энергии. Окутанная черной силой, тварь заверещала в надлежащем ужасе, а магия дракона пустоты раздавила пленителя в кровавое месиво, тут же и затвердевшее, превратившееся в угольно-черный кристалл.

Еще одна нить немедля перехлестнула морду, притянув ее к полу. Как ни противился этому сверкающий исполин, его челюсти оказались связаны так же крепко, как и все тело.

Пленители продолжали шнырять из угла в угол огромной пещеры, словно бы в немалой тревоге, но мыслями, будто она хоть как-нибудь связана с ним, Ззерaku больше не обольщался. Зашипев от досады (правда, стянувшая челюсти нить заглушила шипенье), он снова попробовал освободиться.

И снова все его старания пропали впустую.

Внезапно приземистые чешуйчатые твари прервали труды и все как одна уставились куда-то в сторону. На что? Этого дракон пустоты разглядеть не сумел, но сразу почувствовал приближение некоего нового существа — существа невероятно могущественного.

Вот он, его истинный пленитель...

Все вокруг в благоговейном ужасе пали ниц. Ушей Ззерaku достиг легкий шорох. Пожалуй, он

больше всего напоминал шелест ветра, но дракон пустоты знал: в это треклятое подземелье не проникнуть никаким ветрам.

— Прекрасно, прекрасно, мои скардины. Я вами довольна.

Этот голос, несмотря на все его женское очарование, коснулся того, что заменяло дракону пустоты душу, точно студенейший лед.

— Приказам они повинуются просто на славу, — с явным презрением к чешуйчатым тварям откликнулся второй голос, скорее, мужской. — Вот только хризалуновое узилище открыли слишком рано, моя госпожа. Зверь едва не ушел.

— Об этом не стоило волноваться. Попав сюда, ему уже не уйти.

Женский голос звучал все ближе и ближе... и вскоре в поле зрения Ззераку появилась крохотная фигурка. Бледнокожая женщина в облегающем платье цвета ночного мрака остановилась, чтоб рассмотреть его и, в свою очередь, позволить ему рассмотреть себя. При виде этой женщины Ззераку сразу же вспомнилась другая — та, что пыталась с ним подружиться, показать ему что-то помимо абсолютного хаоса, окружавшего его в землях, называемых некоторыми Запредельем. Однако дракон пустоты явственно чувял, что существо это, хоть и похожее на ту, кого он вспомнил, в некоторых отношениях, весьма и весьма отличается от нее во всем остальном.

Длинные, черные, как смоль, волосы водопадом текли по ее плечам. К плененному зверю она стояла боком, будто не обращая на него особого вни-

мания, но Ззераку прекрасно знал: это вовсе не так. Обращенный к дракону пустоты, ее профиль был безупречен и даже превосходил красотой лицо его давней подруги.

Вот только из-под ее полуопущенных век на Ззераку повеяло таким холодом, что исполин снова рванулся на волю.

Уголки ее алых губ изогнулись кверху.

— Тебе ни к чему так утруждаться, маленький мой. Лучше устройся-ка поудобнее. В конце концов... я ведь всего лишь домой тебя привела.

Не находивший в ее словах ни малейшего смысла, Ззераку рвался, рвался из волшебных уз, рвался бежать... бежать подальше от крохотной женщины, отчего-то внушавшей ему такой страх.

А женщина повернулась к нему лицом, отчего Ззераку сделалось видно, что левая сторона ее лица прикрыта шелковой вуалью — вуалью, откинувшейся при повороте в сторону ровно настолько, чтобы дракон пустоты смог разглядеть и ужасающую обожженную плоть под полупрозрачной тканью, и зияющую дыру на месте второго глаза.

Конечно, в сравнении с громадой дракона пустоты она была — что песчинка, однако вид ее изуродованного лица усилил тревоги Ззераку в тысячу крат. Хотелось лишь одного: оказаться как можно дальше и никогда больше не видеть этого зрелища. Да, вуаль, опустившись, прикрыла обожженную кожу, однако дракон пустоты по-прежнему чуял таящийся под нею ужас и зло.

Зло, затмевавшее собой все, что ему довелось повидать в Запределье.

Женщина улыбнулась еще шире. Казалось, ее холодная улыбка вот-вот выйдет за пределы лица.

— Сейчас тебе лучше всего отдохнуть, — проговорила она тоном, подразумевавшим повиновение.

Ззераку тут же начал терять сознание.

— Отдыхай, — добавила она, — и ничего не страшись... в конце концов, теперь ты среди родных, дитя мое.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«**К**ак быстро время летит, когда ухитряешься дожить до столь преклонного возраста», — подумал некто в длинных одеяниях, сидя в укромной горной обители и обозревая весь мир, отраженный в бесконечной чередой мерцающих шаров, паривших вокруг. По мановению руки создателя шары скользнули вдоль стен исплинских овальных покоев, и тот, что был ему нужен, остановился перед ним, прямо над одним из ряда пьедесталов, вылепленных при помощи колдовства из сталагмитов, некогда наполнявших пещеру. Казалось, над подножием каждого пьедестала потрудился резец искусного скульптора — столь совершенны были их линии и углы. Однако ближе к вершине все они превращались, скорее, в нечто вроде грез спящего, чем в произведения человеческих рук. В этих грезах, в их причудливых формах, чувствовались намеки на драконов, на духов, а венчало каждый из пьедесталов что-то напоминавшее окаменевшую руку с длинными, жилистыми пальцами, поднятыми к потолку и едва не касавшимися парящей над ними сферы.

В каждом из шаров отражалась картина, значившая для волшебника по имени Крас очень и очень многое.

Чуть различимый раскат грома, донесшийся до его потайного убежища, явно свидетельствовал о беспокойной погоде снаружи. Прикрыв изображение надвигающегося ненастья фиолетовым одеянием, некогда — знаком принадлежности к Кирин-Тору, худощавый, бледный лицом чародей склонился к шару, чтоб лучше видеть последнюю сцену. Голубое сияние шара озарило черты сродни чертам высших эльфов — народа, ныне почти исчезнувшего с лица Азерота, — включая и угловатые скулы, и аристократический нос, и несколько удлинённый череп. Но, несмотря на всю внешнюю красоту, свойственную этой вымершей расе, ни к одному из настоящих эльфийских родов Крас явно не принадлежал. Дело было даже не в ястребином лице, изборожденном паутиной морщин и шрамов — из которых прежде всего бросались в глаза три длинных рваных отметины, сверху вниз пересекавшие правую щеку, — какими ни один эльф не мог бы обзавестись, не прожив значительно больше тысячи лет, и даже не в диковинных черных и алых прядях в седых волосах. Наглядным тому свидетельством были, скорее, блестящие черные глаза — глаза, не похожие ни на человеческие, ни на эльфийские, глаза, говорящие о возрасте, далеко превышающем срок жизни, отпущенный природой любому из смертных созданий.

О возрасте, до которого мог дожить лишь один из старейших драконов на свете.

Крас... Так звался он в этом облике, под этим именем был известен многим лишь как один из бывших старейших членов внутреннего круга правящего Далараном совета волшебников. Но Даларан, невзирая на все старания, подобно множеству королевств, не сумевших одержать верх в войнах с орками и последовавшей за ними борьбе против Пылающего Легиона и Плети, не смог преградить путь приливным волнам зла. Погибли многие тысячи, мир Азерота перевернулся вверх дном и до сих пор едва-едва сохранял равновесие... равновесие, с каждым минувшим днем казавшееся все более и более шатким.

«Как будто все мы застряли за нескончаемой игрой, и жизни наши зависят от прихоти игральных костей или выпавших карт», — подумал Крас, вспомнив и о других, куда более давних бедствиях. Сам он повидал гибель многих цивилизаций, превосходивших древностью любую из существующих ныне, и хотя приложил руку к спасению части великого множества, свершениями своими не остался доволен ни разу. Он был всего-навсего одним живым существом, всего-навсего одним драконом... пусть даже *не просто* драконом, а Кориалстразом, супругом великой Алекстразы, королевы рода красных драконов.

Но ведь и сама величайшая, Аспект Жизни, возлюбленная госпожа, не смогла ни предвидеть, ни предотвратить всего произошедшего...

Да, Крас понимал, что взвалил на плечи груз куда тяжелее, чем следовало, однако попыток помочь жителям Азерота дракон в облике мага оставить не

мог, пусть даже некоторые из его начинаний были заранее обречены на провал.

Вот и теперь его внимание привлекало многое из творящегося на свете: все это вполне могло послужить причиной полного разорения Азерота... а корень проблемы являли собой его сородичи, драконы. Вот, например, необъятная трещина, ведущая в поразительные края под названием Запределье, огромный портал, более всех восхитивший и в то же время встревоживший стаю синих, хранителей самой магии. Из-за этого портала уже появилось загадочное средство для исцеления безумия, давным-давно обуявшего повелителя синих. Да, теперь Аспект Магии, Малигос, обрел полную ясность ума, однако Красу очень не нравился новый ход мыслей синего исполина. Разгневанный тем, что показалось ему пагубным злоупотреблением магией со стороны юных рас, Малигос начал внушать всем прочим Аспектам, что для сохранения Азерота может потребоваться полное истребление всех, владеющих ее силами. Более того, когда Малигос, Алекстраза, Ноздорму Вневременный и Изера Спящая в последний раз сошлись вчетвером на далеком северо-востоке, у величавого древнего храма Драконьего Покоя посреди скованного льдами Драконьего Погоста, ради немаловажного ежегодного ритуала, изначально знаменовавшего собою победу, одержанную их объединенными силами над чудовищным Смертокрылом более десяти лет назад, в этом своем намерении Хранитель Магии был непреклонно тверд.